

Прием литургического многогласия, или Можно ли на приходе служить по-монастырски, ничего не сокращая

(К вопросу о продолжительности богослужений на церковном приходе)

На очередном ежегодном Епархиальном собрании Москвы в декабре 1997 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, касаясь вопроса продолжительности богослужения на приходе, сказал, что следует “придерживаться умеренности, среднего пути, беря за образец, например, службу в Богоявленском соборе как среднюю, способную создать молитвенное настроение и не утомить чрезмерно”. Это же требование прозвучало в Обращении Его Святейшества и на Епархиальном собрании 1998 года: служба на приходе должна быть и не короткой, и не длинной.

Справедливость этого предписания подтверждается, хотя это кому-то, может быть, покажется странным, историческими фактами отечественной церковной практики.

Продолжительность службы в монастыре определяется Церковным Уставом, который и писался для монастыря, а на приходе — произвольным решением настоятеля, поскольку Приходского Устава как такового не существует, хотя вопрос об этом неоднократно возникал.

Известно, что на приходах порой уклоняются от “золотой середины” в этом вопросе в ту или иную сторону. Нет нужды доказывать, что чрезмерная поспешность в богослужении очевидно недопустима. И казалось бы, ревность по вере подсказывает отправлять службу строго по Уставу, без каких-либо сокращений, как это делают старообрядцы, известные как хранители многих строгих православных традиций.

Однако следует знать, что до раскола в середине XVII века длинных служб на приходах, да и в некоторых (а может быть, и во многих) монастырях Московской Руси, как правило, не было, хотя наши предки в ту эпоху и были убеждены, что на богослужении необходимо вычитывать и пропевать все, что положено в Церковном Уставе, без каких-либо сокращений. Дело в том, что существовал, как известно, особый прием так называемого литургического многогласия (неединогласия), сущность которого заключалась в одновременном отправлении различных частей службы с целью сокращения времени богослужения, необходимость чего всегда ощущалась как прихожанами, так и церковнослужителями.

Прием литургического многогласия отнюдь не является чисто русским изобретением, он издавна был известен Вселенской Церкви. Так, в описании путешествия одного из Иерусалимских Патриархов в XVII веке говорится: “Дорогою едучи, в шатрах и в домех заутреню пел в три голоса: Псалтырь говорил один человек тайно, а другой человек тайно же говорил канон, а третий человек вслух говорил псалмы и тропари, и песни, и прочее все по ряду”.¹

Из этого описания видно, как правильно следует пользоваться приемом литургического многогласия: вслух читает только один чтец, а остальные читают тайно.

¹ Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в Русской Церкви XVII века. М., 1904. Указ. на: О чинех греческих вкратце. // Чтен. Имп. общ. истор. и древн. Российских. 1890. Ч. 2. С. III.

Католики и ныне по необходимости пользуются приемом литургического многогласия при отправлении так называемых мис (в отличие от мессы), совершаемых за 15—20 минут.

А.В. Преображенский пишет, что прием литургического многогласия бытовал у нас еще в конце XIX века: “Старички-дьячки читают громко лишь один канон из всех положенных на день, остальные — тихо, тайно”².

Элементы литургического многогласия существуют и в сегодняшнем православном богослужении — это тайные молитвы священника на вечерне, шестопсалмии, Херувимской, Евхаристическом каноне и т. п.

Однако наиболее показательное существование этого приема на архиерейском богослужении. Во время протяжного пения “Достойно есть...” архиерей, входя в храм, заканчивает тайно читаемые им “Благословен Бог наш...”, тропарь храма и прочее последование, протодиакон возглашает: “Премудрость” и читает: “Честнейшую херувим...”, “Слава, и ныне”, “Преосвященнейший Владыко, благослови”, “Аминь” — сообразуясь с возгласами архиерея: “Пресвятая Богородице, спаси нас”, “Слава Тебе, Христе Боже...”, “Христос, истинный Бог наш...”

Во время облачения архиерея, на фоне пения церковным хором положенных песнопений, протодиакон возглашает: “Благослови, Преосвященнейший Владыко, кадило”, “Господу помолимся”, затем читает: “Да возрадуется душа твоя о Господе, облече бо ты в ризу спасения...” При благословении каждой одежды диакон произносит: “Господу помолимся”, а протодиакон — соответствующий стих.

Таким образом, можно сказать, что здесь идет отправление службы на три голоса, причем, несмотря на неединогласие (многогласие), архиерейская служба оставляет впечатление особой торжественности, гармоничности, цельности и красоты богослужебного чинопоследования.

Опытные настоятели принимают меры к тому, чтобы голос диакона в конце возглашений обязательно покрывался хором, а дающий возглас священник начинал говорить еще до окончания хором музыкальной фразы, ибо это придает службе динамичность и живую молитвенность. И это тоже элементы многогласия. Паузы при отправлении службы разрушают цельность богослужения, как бы обездушивают и мертвят общественную молитву. Но именно к этому и должны были приводить во время борьбы с неединогласием в середине XVII века предписания о том, что хор должен начинать петь не ранее окончания диаконского возглашения, а священник давать возглас лишь после окончания пения хора.

Некоторые ектении и сегодня диаконы возглашают на фоне непрерывного пения хора, в частности, так принято во время Великого поста отправлять ектению, которой заканчивается Великое повечерие.

В конце Литургии после возгласа священника “С миром изыдем” хор поет: “О Имени Господни”, “Господи, помилуй”, не делая цезуры между этими фразами, слитно, поскольку диакон произносит возглас “Господу помолимся” на фоне пения хором “О Имени Господни”. Отказаться от этого элемента неединогласия (многогласия), ставшего привычным для большинства наших приходов, можно лишь в ущерб цельности службы.

² Там же.

В Богоявленском соборе и в некоторых других приходах во время четырехкратного пения на утрени “Бог Господь” диакон произносит стихи на фоне хорового пения. Точно так же произносится стих во время пения прокимнов.

Современные “ревнителю”, отказываясь от этих элементов неединогласия (многогласия), ставших привычными для многих наших приходов, погрешают вдвойне: и неоправданно удлиняют службу нарочитой искусственной “неторопливостью”, и отрицательно влияют на общественную молитву вследствие нарушения цельности службы.

У современных старообрядцев-поморцев избранные стихи из 17-й кафизмы пропеваются хором, в то время как чтец тайно прочитывает всю кафизму. Избранные стихи из 103-го псалма и из первой кафизмы (“Блажен муж”) пропеваются ныне в церкви в начале всенощного бдения уже без вычитывания псалма и кафизмы (в некоторых монастырях и приходах они вычитываются, однако, вслух).

В самом принципе многогласия, по-видимому, лежит мысль: один за всех, и все за одного. И не этой ли мысли обязана была своим существованием обитель неусыпающих во главе с преподобным Александром (V век, память 3 июля)? Известно, что чтение Псалтыри в этой обители никогда не умолкало, было круглосуточным благодаря очередности чтецов. То есть, когда братия спала, а один чтец читал, служба по избранному чину все-таки совершалась — “за всех и за вся”, как и совершается каждая Литургия, хотя далеко не все на ней присутствуют в силу разных причин.

По понятной человеческой слабости приемом литургического многогласия у нас кое-где начали злоупотреблять — с целью сокращения времени стали отправлять службу не только на три, но и на четыре, на пять и даже на шесть голосов. Кроме того, по-видимому, забывалось само искусство этого приема, иногда нарушалось правило, когда вслух должен был читать один чтец, а остальные — тайно, поэтому чтение двух-трех чтецов одновременно не могло не вызвать нареканий.

По словам А.В. Преображенского, документальная история вопроса о единогласном отправлении службы начинается с постановлений Стоглавого Собора:

“Также бы тропари и кондаки, седалны сказывали по чину и не спешно, и потом чли, а вдруг бы псалмов и Псалтыри не говорили, также бы и канонов вдруг не канархали и по два вместе не говорили бы, занеже то в нашем Православии великое бесчинство и грех”³.

В духе этих постановлений написана в 1551 году, уже после Собора, наказная грамота митрополита Макария в Каргополь приказчику Иосифу Михайлову: “Якож Устав повелевает... и каноны конархати, и говорити не вдруг, по чину и по преданию святых отец... А вдруг псалмов и Псалтыри не говорити и канонов по два вместе, занеж то в нашем Православии великое безчинство ввелось и грех велик”.⁴

Однако постановлениям наших церковных Соборов в XVI—XVII столетиях, по словам Н.Ф. Каптерева, “никогда не придавалось характера непогрешимости и неизменяемости”⁵, тем более что при Уставе, взятом нами из самых строгих восточных монастырей, практическая настоятельная нужда

³ Стоглав. СПб., 1997. С. 60.

⁴ Православный собеседник. 1863. Кн.1. С.100. — Цит. по: Преображенский. А. В. Указ. соч.

⁵ Каптерев Н. Ф. Царь и церковные московские соборы XVI-XVII столетий // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1906. Октябрь, ноябрь, декабрь.

повелительно требовала сокращения служб в обыкновенных приходских церквях. Неединогласие (многогласие) продолжало существовать и после постановлений Стоглавого Собора, более того, последующие два русских Патриарха и новый Церковный Собор даже узаконили его.

Патриархи Иоасаф I и Иосиф, по-видимому, прекрасно понимая необходимость сокращения служб на приходах, боролись не с самим неединогласием (многогласием), а со злоупотреблением этим приемом.

Так, в 1636 году Патриарх Иоасаф I выдает “память” тиуну Манойлову и поповскому старосте, предписывая искоренять злоупотребления: “Говорят голосов в пять и в шесть, и больши со всяким небрежением, обедни служат без часов, даже в Великий пост совершают службы зело поскорю”. Патриарх разрешает “говорити голоса в два, а по нужде в три голоса, опроче экзапсалмов, а экзапсалмы бы по всем церквам говорили в один голос, а Псалтыри и канонов в те поры говорити отнюдь не велели”⁶.

А.В. Преображенский пишет, что эта “память” Патриарха Иоасафа узаконивает многогласие: “Факт разрешения высшею церковною властью неединогласного отправления церковных служб налицо”⁷.

Законность неединогласия (многогласия) была подтверждена, наконец, целым Церковным Собором во главе с Патриархом Иосифом. Это произошло следующим образом.

По указу 20-летнего царя Алексея Михайловича 11 февраля 1649 года был созван Поместный Собор для рассмотрения вопроса о единогласии и решении “как лутче быти”. На Соборе присутствовали Патриарх Иосиф, два митрополита, три архиепископа, один епископ, пять архимандритов, семь игуменов, десять протопопов и другие. Как известно, Собор вопреки ожиданиям царя, бывшего сторонником единогласия, постановил остаться при прежнем многогласии, что было подкреплено подписями участников Собора под соборными определениями, в которых говорилось: “Как было при прежних святителех, митрополитех и патриарсех *по всем приходским* (курсив мой. — Б. К.) церквам божественней службе быти по-прежнему, а вновь ничево не всчинати... А сверх сего уложенья и приговору как великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии изволит и повелит”⁸.

А царь “изволил” не утвердить это соборное решение и вынудил Патриарха Иосифа через два года, пересмотрев этот вопрос на новом Соборе, решить его в пользу единогласия.

Как видно из решений Собора 1649 года, духовная власть считала единогласное пение обязательным только по монастырям, а в приходских церквях допускала многогласие. Патриарх Иосиф, считая единогласие пагубным для прихода, ибо из-за долгой службы люди просто прекращали посещать церковь, требовал его соблюдения в монастырях, что видно из грамоты, которую он в 1648 году отправляет в Саввин монастырь: “Архимандриты и игумены, и попы черные, и строители, и старцы о

⁶ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. М., 1996. С. 86.

⁷ Преображенский А. В. Указ. соч. С. 13.

⁸ Белокуров С. А. Деяние Московского церковного Собора 1649 г.: Вопрос о единогласии в 1649-1651 гг. // Чтения общ. ист. и древ. Рос. 1894. Кн. IV. — Цит по: Преображенский А. В. Указ. соч.

церковном пении и благочинии не радеют... в церквах Божиих поют поскору неединогласно со всяким безстрашием”⁹.

В русском обществе в то время не было единого мнения по вопросу единогласия-многогласия. Если Патриарх Иосиф, высшее духовенство и большинство приходских церковнослужителей отстаивали ставшее уже традиционным неединогласие (официальную линию Церкви, подкрепленную соборными решениями), то близкий царю кружок так называемых ревнителей во главе с царским духовником Стефаном Вонифатьевым активно выступал за единогласие. Священники, входившие в этот царский кружок, пользуясь поддержкой царя, вводили единогласие у себя на приходах еще до соборного решения: Стефан Вонифатьев — в Благовещенском соборе, Иван Неронов — в Казанском, Ртищев — в своем Андреевском монастыре, Никон — в подчиненной ему тогда Новгородской епархии. Известна Никонова грамота 1649 года в Свирский Александров монастырь: “чтобы... обедни пели и каноны говорили единогласно”¹⁰.

Результатом введения единогласия на приходах и тем самым чрезвычайного удлинения службы была смута и волнение в обществе. “Всяких чинов православные людие от церквей Божиих учили отлучатися за долгим и безвременным пением... и учинилась на Москве молва великая”¹¹.

Не это ли мы видим и в наше время? Люди просто перестают посещать те приходы, где начинают отправлять службу без сокращений, “строго по Уставу”, как в монастыре. Та же картина и у старообрядцев — посещаемость всенощных у них значительно ниже, чем Литургий. Длинная служба по монастырскому чину на приходе, кроме того, отрицательно влияет на богослужбное пение, во-первых, по причине чрезвычайно увеличивающейся физической нагрузки на певчих, во-вторых, по тенденции петь короткими напевами, исключая фиты и развитые распевы, чтобы не удлинять и без того безмерно длинную службу. И не поэтому ли значительно утеряна старообрядцами культура знаменного пения, что выражается в замене собственно знаменного распева в богослужении так называемой напевкой (дающей значительную экономию времени), не говоря уж о большом знаменном распеве, который у них совершенно вышел из употребления. В “напевочной” среде и возникло изречение: “Пение красно, а чтение свято” — явно ущербное высказывание, поскольку, ввиду литургичности знаменного пения, оно тоже свято, оно не только украшение (“красно”), но — неотъемлемая часть богослужения.

Знакомство с великолепными и в молитвенном, и в художественном плане образцами большого знаменного распева продолжительностью звучания до шести-десяти минут, существовавшими у нас к середине XVII века, убеждает в том, что до волюнтаристского решения царя, поддержанного “ревнителями”, о запрете неединогласия длинных служб в Русской Церкви не было. В развитом знаменном пении конца XVI — середины XVII веков на всенощном бдении пелось до четырех стихир большого распева, что вряд ли было бы возможно при “единогласном” отправлении службы даже и в монастыре, не говоря уж о приходах, в связи с еще большим удлинением службы. Именно поэтому у старообрядцев большой распев и вышел из употребления.

Конечно, в свое время логика борьбы потребовала от приверженцев старого чина однозначного выбора “единогласия” и, возможно, именно эта верность Уставу до буквы помогла им выстоять в

⁹ Каптерев Н. Ф. Указ. соч. С. 99.

¹⁰ Преображенский А. В. Указ. соч. С. 22.

¹¹ Там же.

трехвековом противостоянии, однако — за счет оскудения богослужебного пения, за счет потери паствы (не всем по силам аскетика монастырского Устава, 5—6-часовая всенощная).

Сторонником единогласия и, следовательно, длинных служб по монастырскому чину был и протопоп Аввакум. Он вводил единогласие еще будучи протопопом в Юрьевце, чем и вызвал сначала ропот прихожан: “долго поешь единогласно, нам дома недосуг”, а затем и настоящий бунт.

Злоупотребления многогласием Аввакум обличает в письме к неизвестному: “Последнее наперед поют, а преднее позади. Лесть сию молитву я пред Богом вменяю... Того ради так говорят, чтобы из церкви скорее выйти”.

В письме к некоему московскому священнику Стефану он пишет: “Единогласно (аз) пел лет з двадцать, и ныне пою... единогласно”¹².

Протопоп Аввакум ссылается на авторитет Стоглавого Собора, на епископа Павла Коломенского, протопопов Даниила Костромского, Логина Муромского и других.

Однако, как видим, целый церковный Поместный Собор 11 февраля 1649 года во главе с Патриархом хотя и старался упорядочить употребление в богослужебной практике приема неединогласия (многогласия), но не только не запретил его, а окончательно узаконил соборным формальным постановлением именно по причине необходимости сокращения службы на приходах.

При всеобщем натуральном ведении хозяйства в ту эпоху длинная “монастырская” служба на приходе особенно должна была входить в противоречие с бытовым обиходом, о чем наверняка также свидетельствовал своим мычанием и блеянием недоенный, непоенный и некормленный домашний скот.

Таким образом, поскольку “на Москве учинилась молва великая” и многие люди стали уклоняться от церковных служб, “соборным постановлением от 11 февраля 1649 года, — пишет Н. Каптерев, — вопреки домогательствам Стефана (Вонифатьева) и других ревнителей единогласие в приходских церквях формально было отвергнуто как мера вредная для народного благочестия, а многогласие как старый обычай торжественно было узаконено”¹³.

Царский духовник, благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев, оказывал большое давление на Патриарха и других архиереев, сторонников неединогласия (многогласия), которым он учинил в отсутствие царя форменный скандал на Соборе по поводу принятого ими решения: “...в глаза бранил и бесчестил Патриарха и всех присутствовавших на Соборе сторонников многогласия” (Н. Каптерев).

Оскорбленный Патриарх от лица Собора подал Государю челобитную на благовещенского протопопа, требуя над ним суда, однако царь не дал в обиду своего духовника. Не утвердил царь и соборного постановления, узаконивавшего неединогласие (многогласие), поскольку сам был сторонником единогласия.

Впрочем, с решением Собора все же приходилось считаться, и царь со своим духовником вынудили Патриарха Иосифа обратиться к Константинопольскому Патриарху для окончательного решения

¹² Бороздин А. Протопоп Аввакум. С. 11; Материалы. Т. 5. С. 223. — Цит. по: Преображенский А. В. Указ. соч. С. 39.

¹³ Каптерев Н. Ф. Указ. соч. С. 100.

вопроса о единогласии-многогласии. Константинопольский Патриарх Парфений II, разумеется, дал ожидаемый царем ответ: “Подобает в службе по мирским церквам и по монастырем честь (читать) единогласно”.

Следует заметить, что греки в то время уже не имели в многогласии ни малейшей нужды, поскольку давно уже произвольно сокращали службы, как хотели (“со всяким бесстрашием”). Автор учебника по истории Церкви для Духовных семинарий Е. Смирнов пишет, ссылаясь на византийского историка Никифора Григору, о чрезвычайном оскудении благочестия в Греко-Восточной Церкви уже в XI—XV столетиях, когда даже “древние монастырские уставы не соблюдались строго”, а общей чертой деморализованного духовенства было “небрежное исполнение обязанностей своего служения”¹⁴. Три последующих века турецкого ига, разумеется, не улучшили положения, к середине XVII века Греческая Церковь находилась в еще более глубоком духовном упадке и, конечно, не могла быть примером для подражания или учителем в делах веры и благочестия.

Таким образом, можно сказать, что Патриарх Иосиф фактически был обманут, согласившись иметь судьей в вопросе о единогласии тогдашнего Константинопольского Патриарха.

Однако после получения им от Патриарха Парфения II в 1650 году вышеупомянутого ответа противиться далее введению единогласия стало невозможным. Вновь созванный для рассмотрения этого вопроса Церковный Собор в 1651 году, можно сказать, по воле царя узаконивает в Русской Церкви единогласие, запретив многогласие.

В грамоте Вологодскому архиепископу Маркелу Патриарх Иосиф пишет, что царь указал “в церквах Божиих велеть говорить в один голос, как в монастырех чин обдержат по Уставу”¹⁵.

Служебник 1651 года переход у нас от неединогласия (многогласия) к единогласию также приписывает деятельности царя Алексея Михайловича: “Подвигся он, государь... еже пети и чести по чину и по уставу святых отец единогласно... едино по единому, рекше по особь чести псалмы и Псалтырь, стихеры и канон, а не вкупе”.

Как говорил известный святитель, иные мысли столь блистательны, что в них, как и на солнце, не сразу различишь темные пятна.

Скрытая язвительная ирония слышна в lamentациях архидиакона Павла Алеппского, когда он описывает эти “единогласные” московские бесконечно длинные службы (“ревнители” не преминули ввести в богослужение еще разные положенные чтения из прологов, житий святых, отеческие поучения): “Мы выходили из церкви едва волоча ноги от усталости... Что за крепость в их телах, и какие у них железные ноги! Они не устают и не утомляются... Несомненно, что все эти люди святые, они превзошли подвижников в пустынях... Что касается нас, то душа у нас расставалась с телом...”¹⁶.

Приезжие греки усиленно хлопотали об отъезде из Москвы до Страстной седмицы, чтобы избавиться от особо длинных бдений по новомосковскому укладу.

¹⁴ Смирнов Е. И. История христианской Церкви. Троице-Сергиева Лавра, 1997 (Репринт: Петроград, 1915). С. 407-410.

¹⁵ Акты Археографич. Экспед. Т. IV. С. 325. — Цит по: Преображенский А. В. Указ. соч. С. 20.

¹⁶ Алеппский Павел. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария. Вып. II. С. 100, 164; вып. III. С. 185, 194; вып. IV. С. 85, 161.

Всякий, кто возносится, смирится, по неложному слову Спасителя. Недолго на Москве были отменно длинные службы, породившие начало смуте и волнению в русском обществе, вскоре пришла великая катастрофа Раскола с последующим духовным оскудением.

Однако, несмотря на запрет неединогласия (многогласия) церковной властью, оно продолжало существовать до времени Петра I.

“Худый и вредный и весьма богопротивный обычай вшел, — говорится в принятом в 1721 году Духовном Регламенте, — службы церковныя и молебны во двоегласно и многогласно петь, так что утренняя или вечерняя, на части разобрана, вдруг от многих поется, и два или три молебны вдруг же от многих певчих и четцов совершаются. Сие сделалось от лености клира и вошло во обычай, и конечно должно есть перевести такое богомоление”.

Перевели “такое богомоление”, отказались от неединогласия, но заодно отказались и от строгого соблюдения Устава, подобно грекам сокращая в пении и в чтении “со всяким бесстрашием”.

Известно, что московское приходское духовенство было настроено решительно против единогласия и всячески стояло за многогласие. Так, никольский поп Прокофий говорил: “Заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пение...” Поп Иван, будучи в тиунской избе, слышал, что лукинский поп Сава с товарищами сказал: “Нам, хотя умереть, а к выбору о единогласии рук не прикладывать”¹⁷.

По доносу на этих лиц было заведено целое дело, которое расследовал сам Алексей Михайлович, на что и имеется в соответствующем документе приписка от 13 февраля 1651 года рукой царя характерными каракулями “двоечника”-второгодника: “Никольского попа да лукинского, да савинского Андрея о единогласии дурость наглая”¹⁸.

Царь велел “сыскать”. На “сыске”, то есть под пытками, поп Сава принес повинную.

“Сыск” истории иной. Он бескровный, но более объективный. Кто прав, кто неправ был в этом споре о единогласии-многогласии?..

Может быть, нам попытаться возродить сам институт неединогласия (многогласия), минуя соблазны злоупотребления им, о которых говорилось выше? Половина дела уже сделана, жизнь сама заставила на подавляющем большинстве наших приходо-отправлений отправлять службу по-приходскому, то есть с сокращениями, а не по-монастырски.

Но одно ясно: указание правящего архиерея клиру приходо-отправлений Московской епархии о соблюдении средней продолжительности службы не натяжка — это указание имеет твердое основание в отечественной многовековой богослужебной практике.

¹⁷ Каптерев Н. Ф. Указ. соч. С. 93-94.

¹⁸ РГАДА. Ф. 27. № 68. III.